

Т.В. Блаватская

**Греческое общество второго
тысячелетия до новой эры и
его культура**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т.В. Блаватская**
Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура / Т.В. Блаватская – М.: Книга по Требованию, 2024. – 188 с.

ISBN 978-5-458-39680-6

ISBN 978-5-458-39680-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДОПОЛИСНОЙ ГРЕЦИИ

Блестящий расцвет ахейских царств в XVII—XII вв. приходится на печальный период существования классового общества в Греции. Еще в первой половине III тысячелетия почти во всех греческих землях сохранялись незыблемые устои первобытнообщинного строя. В политической же организации господствовали принципы родо-племенного устройства. Часть их восходила к очень давним институтам¹, созданным еще в период нерасчлененного индоевропейского языкового единства². Яркие свидетельства сохранились в языке греков и многих родственных им народов. Например, во многих индоевропейских языках имеются общие названия для понятия «род», образованные от корня *gsep — «рождать», что свидетельствует о развитии форм родовой организации еще в неразделившемся массиве родственных племен, носителей древнего индоевропейского языка-основы. Анализ терминов родства, обнаруживающих значительную общность во всех индоевропейских языках, позволяет заключить, что основной общественной единицей в период древнего исторического единства индоевропейских племен был род, построенный на патрилинейном счете родственных связей, хотя, как отмечает А. В. Десницкая, в некоторых языках есть общие термины, указывающие на род, основанный еще на матрилинейных связях³.

Помимо древнейших родовых связей население Греции начала III тысячелетия унаследовало от предшествующих времен развитую систему племенного устройства. Быстрый рост населения в результате развития земледелия и скотоводства привел к тому, что в VI—V тысячелетиях произошло расчленение индоевропейского массива в связи с распространением его на обширных территориях⁴. В условиях расселения племенная организация становилась крепче

¹ Как известно, эволюция человека стала прослеживаться после находок французских археологов в долине Омо (Эфиопия) в 1968—1969 гг. приблизительно до 2 200 000 лет до н. э. Можно лишь гадать о том, какие древнейшие нормы социальной жизни дожили до III тысячелетия и какую форму они тогда приняли.

² Общие сведения об индоевропейском племенном массиве см.: В. В. Иванов. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. М., 1954; А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955.

³ А. В. Десницкая. Вопросы изучения..., стр. 316.

⁴ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 272—283.

и устойчивее⁵. По-видимому, развитие племенного строя отвечало насущным требованиям организации внутриобщественных отношений. Целесообразность племенных институтов находит яркое подтверждение в том высоком развитии производительных сил, которого достигли обитатели юга Балканского полуострова, особенно в период от 4000 до 3000 г.: на этой завершающей ступени неолитического хозяйства население греческих земель создало много ярких локальных культур⁶, составляющих вместе стройную картину единой культурно-исторической общности.

Но последнее тысячелетие каменной индустрии на территории Греции знаменовалось не только успехами в области производства. Усложнились формы межплеменных связей, все большие размеры приобретали военные конфликты. Поэтому отдельные племена оказались вынужденными тратить свои трудовые ресурсы на возведение мощных оборонительных сооружений. Лучше всего известны ныне укрепления IV тысячелетия в поселениях Фессалии — Димитри, Сескльо, Оздаки и ряде других, расположенных в самой плодородной части Северной Греции. Весьма интересны укрепления неолитического времени на маленьком острове Салиагосе в Кикладском архипелаге⁷. Здесь оборонительная стена включает ряд элементов, которые позднее выступили в фортификационных линиях крепостей раннекикладского и раннеэлладского времени.

Возведение столь монументальных сооружений (о них см. ниже, стр. 101) показывает, что между XL и XXX вв. до н. э. многие племена, обитавшие на юге Балканского полуострова, предпринимали большие усилия для защиты от неприятеля или для нападения на своих соседей.

Расширение военных конфликтов дало толчок более быстрому течению ряда процессов в производительной и в общественной жизни (правда, это относительная быстрота, так как речь идет о тысячелетнем периоде). В области социальных отношений явно обнаруживалась тенденция к усилению авторитета глав племен, особенно в обстановке острых столкновений между племенами. Приоритет вождей постепенно становился необходимостью в жизни племенного массива Греции рассматриваемого времени. Вместе с тем рост авторитета племенных властей и их неизбежное обособление от массы соплеменников постепенно подтачивали самые основы первобытной демократии — старинные общественные институты приобретали новое значение⁸.

⁵ Мы не останавливаемся на древнейшей истории индоевропейского массива. Весьма важные наблюдения о развитии индоевропейских племен Европы содержатся в работах чешского археолога Ю. Неуступного. См., в частности: *From Indo-Europeans to Prehistoric Celts in Central Europe* («Revista da Faculdade de Letras de Lisboa», III serie, N 10, 1966, p. 1—32).

⁶ *Prehistory and Protohistory*, p. 79—81.

⁷ *C. Renfrew and J. D. Evans. Excavations at Saliagos near Antiparos*. London, 1968, p. 34—35.

⁸ В 1966 г. на одной из дискуссий Ю. В. Бромлей высказал мысль о возникновении аппарата государства на последней ступени родо-племенного общества.

Ход изменений в социальной структуре на рубеже IV и III тысячелетий был нарушен переворотом в сфере производства, связанным с переходом к массовому изготовлению орудий из металла⁹. Внедрение меди оказывало решающее воздействие на все стороны общественной жизни. Развитие металлургии обеспечивало дальнейшее возрастание производительности труда, что способствовало накоплению излишков сверх необходимого обществу запаса продуктов и неравномерному распределению достатка внутри племени. Довольно скоро результаты этого сказались на структуре общества.

Действительно, на протяжении III тысячелетия в ряде областей Греции, особенно на островах и в прибрежных землях материка, четко выявились крупные сдвиги в сфере социальных отношений. Так, в северной части Эгейского моря, на Лемносе¹⁰, около 2750 г. на месте скромного сельского поселения Полиохни-I появился поселок, который с полным основанием может быть назван протогородом. Этот центр, Полиохни-II, просуществовал несколько столетий, причем за это время его дважды обносили оборонительными стенами. Около 2550 г. началась новая фаза — Полиохни-III. Это был уже настоящий город, по площади в два раза больший, чем несколько более поздний город Троя-II (2500—2200 гг.) на побережье Малой Азии. В Полиохни-III дома составляли правильные кварталы, разделенные широкими улицами, по большей части мощеными. Значительная разница между размерами домов указывает на сильную имущественную дифференциацию в среде горожан.

Оборонительные укрепления города в это время были перестроены. Новая стена, существовавшая в периоды Полиохни-III и Полиохни-IV (около 2550—2250 гг.), отличается монументальными размерами и мощными башнями.

Развитие городской жизни ознаменовалось не только подъемом материального производства. Крупные сдвиги происходили в духовной жизни тогдашних обитателей Лемноса. Полного представления об этих процессах у нас нет, однако можно отметить некоторые характерные черты. В частности, имело место преднамеренное укрытие ценностей. Общество, видимо, вырабатывало какие-то нормы, осуждавшие недобросовестное присвоение вещей. В качестве свидетельства сошлемся на клад, найденный в слое Полиохни-V (XXIII—XXII вв.). Под глинобитным полом небольшой кладовой был за-

которую он предлагал назвать государственно-общинным строем. Нам представляется, что такой подход к решению вопроса не отвечает истинному положению вещей: авторитет и власть правителей племен или глав союзов племен не могут быть уподоблены власти глав государств раннеклассовых обществ. Иными словами, нет оснований отождествлять систему племенных органов власти, присущих обществу, еще сохраняющему социальное равенство своих членов, с государственным аппаратом раннеклассового общества.

⁹ Новейшие данные об использовании меди на Балканском полуострове относятся к 4000 г. до н. э. (рудник у Майданека, Югославия) и к 3500—3000 гг. (халколитическая культура Варны — Кривново VI, Болгария).

¹⁰ L. Bernabo-Brea. *Poliochni*, I, 1. Testo; I, 2. Tavole e Atlante. Roma, 1964.

копан глиняный кувшинчик. Там лежали изящные золотые украшения: несколько пар серег, браслеты, пуговицы и булавка с головкой, украшенной двумя птицами. Как отмечает руководитель раскопок, итальянский археолог Бернабо-Бреа¹¹, некоторые из этих драгоценностей аналогичны по стилю ювелирным изделиям царской сокровищницы заключительной фазы слоя Троя-II (приблизительно XXIII в.).

Условия находки клада в Полиохни говорят о том, что последний владелец этих мастерски исполненных украшений не мог использовать их по прямому назначению, они сохранялись у него лишь как тайное сокровище.

Общий характер бытовых и производственных древностей из слоев Полиохни II—V ясно указывает на высокое развитие городской жизни в течение XXVI—XX вв., несовместимое с существованием норм первобытнообщинного строя. Лемнос этого времени следует уже отнести к разряду тех греческих земель, где происходило становление раннеклассового общества.

Аналогичные процессы протекали тогда же и на Лесбосе, отстоявшем от Лемноса на 65—70 км и на 10—15 км от берегов Трояды. Раскопки на месте современного Ферми показали, что уже в начале III тысячелетия поселок Ферми-I был значительным меднолитейным центром. Постепенное развитие форм городской жизни привело к тому, что около XXV в. Ферми-V представлял собой крупный город с массивными оборонительными стенами, мощными улицами и разветвленной системой водоснабжения и водосброса¹².

Столь же быстрое развитие в сфере производства и в общественной жизни характерно для истории Кикладских островов в III тысячелетии, особенно тех, которые были богаты естественными ресурсами. Сильная, ярко выраженная культура этих островов, именуемая Кикладской, в эпоху ранней бронзы играла огромную роль в развитии окружающего населения; с островов вывозили медные и бронзовые изделия. Особенно высоко была развита ранняя металлургия на островах Сиросе и Паросе, как показали изыскания О. Девиса¹³. Помимо меднолитейного ремесла кикладяне создавали великолепные сосуды из камня и глины, а также мраморные фигурки человека, которые обычно клали в могилы. Интенсивное развитие мореходства также способствовало быстрому росту ремесел. В середине III тысячелетия на некоторых Кикладских островах уже существовали поселки городского типа или даже настоящие города, как, например, Халаандриани на Сиросе¹⁴.

¹¹ *J. Bernabo-Brea. Scavi a Poliochini.* — FA, XI, 1958, N 2122. Подробное описание драгоценностей из Полиохни см.: *Н. А. Сидорова. Новые открытия в области античного искусства.* М., 1965, стр. 33—35. См. также: *E. Vanderpool. News Letter from Greece.* — AJA, 58, 1954, p. 238—240.

¹² *W. Lamb. Excavations at Thermi in Lesbos.* Cambridge, 1936.

¹³ *O. Davies. Roman Mines in Europe.* Oxford, 1935, p. 262—264.

¹⁴ Мы не касаемся здесь весьма важного вопроса о тесных связях Кикладской культуры III тысячелетия с яркой Бутмирской культурой, развивавшейся на территории Сербии между 3400 и 2800 гг.

Развитие ремесел и городской жизни означало неизбежное разрушение основ первобытнообщинного строя. Уходили в прошлое устойчивой первобытной демократии, в обществе все больший вес приобретали имущие круги. Из кого формировался этот слой, хорошо показывает некрополь на острове Аморгосе¹⁵, где раскрыто несколько сотен погребений, причем каждая могила обычно содержала останки одного человека. Во многих захоронениях найдено медное или бронзовое оружие — кинжалы и наконечники копий, иногда достигающие длины в 0,32 м. В нескольких могилах встречаются серебряные кинжалы, сосуды и лепты.

Не подлежит сомнению, что обладатели металлических вещей принадлежали к многоимущему населению. Ведь в XXIV—XXIII вв., к которым относятся погребения в упомянутом некрополе Аморгоса, медное оружие представляло значительную ценность, несомненно даже большую, чем мелкие золотые украшения спустя тысячу лет.

Добавим к этому, что если воину клали в могилу оружие, имевшее определенную ценность¹⁶, то это значит, что в доме имелся другой клинок (или клинки), переходивший к следующему поколению в этой семье. Итак, инвентарь захоронений на Аморгосе позволяет дополнить представления о состоянии кикладского общества во второй половине III тысячелетия: расцвет ремесел и развитие городской жизни¹⁷ сопровождались выделением слоя военной аристократии.

Картина социальных сдвигов в бассейне Эгейского моря будет неполной, если не упомянуть Крит. Как известно, в период неолита этот остров значительно уступал материковой Греции в своем развитии. Положение изменилось в III тысячелетии, особенно во второй его половине. Весьма интересно наблюдение Дж. Пендлбери о том, что в 2200—2000 гг. культурное развитие сосредоточивается на севере и в центре Крита¹⁸. Именно в это время на острове появились отдельные небольшие царства, правители которых уже возводили первые, еще достаточно простые здания своих дворцов (в Кноссе, Маллии и Фесте; что касается недавно открытого четвертого большого дворца в Като-Закро, на восточной оконечности острова, то пока данные, относящиеся к III тысячелетию, еще не опубликованы).

Приведенные факты бесспорно свидетельствуют, что островной мир Эгейского моря в III тысячелетии переживал бурный период становления новых социальных отношений¹⁹.

¹⁵ R. Dussaud. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris, 1910, p. 65—96.

¹⁶ Фото такого оружия см. P. Demargne. Naissance de l'art grec. Paris, 1964, fig. 54—55.

¹⁷ На острове Сироце были открыты оборонительные стены вокруг Халандриани, относящиеся к XXVI—XXV вв. (работы Х. Цунты в 1899 г.).

¹⁸ Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 111.

¹⁹ Весьма важно наблюдение С. Вайнберга о том, что эпоха бронзы начинается на Кикладских островах несколько раньше, чем на Крите, и может быть, чем на

Земли материковой Греции также вступили на этот путь. В дополнение к уже высказанным соображениям об истории древнейшего греческого массива²⁰ добавим, что приморские области, особенно побережья Эгейского моря, развивались почти в том же темпе, что и островные районы²¹. Убедительную картину дает Лерна²², династы которой уже в XXIV—XXIII вв. обитали в доме (здание BG), более монументальном, чем палаты современных им критских царей²³. Весьма показательно, что в XXII в. лернейский царь начал сооружать новый дворец («Дом с черепицами»). Его плановка с полным правом может быть названа прототипом расположения ахейских дворцов II тысячелетия. И хотя здание погибло от пожара, будучи недостроенным, все же оно служит важной вехой в истории общества Южной Греции. Следует отметить, что в Пелопоннесе и во внутренних областях изучаемый период (Раннеэладский II) был временем активного возвышения знати над рядовым населением. Ярким свидетельством служит золотой сосуд, имеющий типичную для XXIV—XXIII вв. форму «соусника». Он происходит из Герей, на берегу Алфея, в западной части Аркадии²⁴.

Нет необходимости перечислять остальные, правда, пока еще немногочисленные²⁵, археологические факты, бесспорно свидетельствующие о социальных взрывах, происходивших в отдельных местностях Греции во второй половине III тысячелетия. Этот процесс нельзя представить прямолинейно и думать, что он равномерно охватывал всю территорию. Вероятно, в начальных фазах развитие шло в отдельных центрах, на периферии которых в дальнейшем происходили новые взрывы, ведущие к возникновению новых очагов.

материке («The relative chronology, of the Aegean in the Neolithic Period and the Early Bronze Age», ed. R. W. Ehrich. Chicago, 1954, p. 94—96).

²⁰ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 35—47.

²¹ Вероятно, важные свидетельства дадут исследования Эвбеи. Происходящие оттуда один серебряный и два золотых сосуда, относящиеся еще к первой трети III тысячелетия (P. Demargne. Naissance..., p. 34, fig. 31—33, хранятся в музее Бенаки), — верный тому залог.

²² J. L. Caskey. Lerna in the Early Bronze Age. — AJA, 72, 1968, p. 313—316.

²³ Появление великолепных дворцов на Крите около 2000 г. было возможно благодаря длительному процессу социальной дифференциации и связанных с ней идеологических представлений. Отрыв критской знати от народа красноречиво подтверждается развитием высокохудожественного ювелирного ремесла. Утонченность и профессиональное мастерство критских златокузнецов (см., например, золотую подвеску из некрополя Маллии, представляющую двух шершней, высасывающих соты, сделанную около 2000 г. — Sp. Marinatos. Kreta und das Mykenische Hellas. München, 1959, Taf. 13) были выработаны в ответ на ставшие уже повседневными требования высших слоев — царских родов и окружавшей их знати. О роскоши аристократии уже в Раннеминойском II периоде (2600—2300) свидетельствуют два обширных дома в Василики (к югу от Гурнии), стены которых были покрыты красной штукатуркой (Дж. Пендлбери. Археология Крита, стр. 77).

²⁴ P. Demargne. Naissance..., p. 76, fig. 98. Демарнь датирует вазу 2500—2000 гг., однако он не обратил внимания на то, что в глиняной утвари данная форма исчезает после 2200 г. почти полностью.

²⁵ Об Агнос-Космасе и Рафине см. Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 36—40. Чрезвычайно важны работы последних лет на острове Эгина, где обнаружено многослойное городище раннеэладского времени. В самом нижнем

К сожалению, нам известны лишь общие черты этой социальной революции — перехода раннегреческого общества от первобытно-общинного к раннеклассовому строю. Впервые в материковой Европе происходило формирование классового общества и государства. Естественно, что процесс этот шел медленно. О многих деталях его можно лишь догадываться.

В частности, следует отметить сложность политического аспекта происходивших изменений. Так как органы власти в племенном мире не являлись специальным аппаратом угнетения широких масс (эти органы имели авторитет благодаря устоям первобытной демократии), паствупление на исконные племенные институты, очевидно, вели не все свободные общинники, но слой военной аристократии, становившийся все более активным. Конкретные условия играли большую роль в сложении групп, враждебных устоям племенной демократии. Одно несомненно — здесь не могло быть какого-то единовременного переворота, изменение политических органов шло весьма постепенно²⁶.

В то же время в духовной жизни общества можно предполагать конфликты традиционных норм племенного строя с воззрениями и стремлениями слоев, становившихся господствующей силой в нарождающемся новом социальном порядке. Тот принцип борьбы нового со старым, который пронизывает самые древние пласты греческой мифологии, вероятно, отчасти отражает эти давние столкновения в области идеологии.

Безусловно, рассматриваемый процесс имел паузы, а иногда и частичные отступления. Последние должны были происходить в такие периоды, когда передвижения племен или межплеменные войны индвигали в качестве ведущей политической силы племени с более крепким первобытнообщинным строем. Отмеченные явления могли оказывать большее воздействие на обитателей материковой Греции, тогда как племена, заселявшие острова, представляли более монолитную по уровню развития массу²⁷. Все же и в основном массиве греческих земель, несмотря на локальные задержки, исторический процесс не изменял главного направления — движение шло от первобытнообщинного к раннеклассовому обществу.

горизонте, на материковой скале, здесь открыт дом с несколькими печами, которые исследователь Г. Вальтер склонен связать с металлообработкой. Выше залегал слой укрепленного поселения, в восточной части оборонительной стены открыто двое ворот. Крепость погибла в пожаре, но сразу же здесь возобновилась жизнь: поврежденные участки стен были восстановлены и сделаны более основательными, изменена система входов. В дальнейшем эти стены неоднократно ремонтировали и добавили башни и внешний панцирь стен (Archaeological Reports for 1969—1970, p. 7).

²⁶ Можно думать, что развитие иногда шло скачками — удачные войны, особо обогащавшие верхушку одного племени или союза племен, или появление выдающихся своими личными качествами династов (на первое место следует поставить такие черты их, как властолюбие и корыстолюбие) могли давать определенный импульс событиям в отдельных землях.

²⁷ Одновременное появление четырех дворцов в разных областях Крита около 2000 г. бесспорно свидетельствует о таком единообразии.

Рассматривая историю Греции в конце III — начале II тысячелетия, необходимо внести уточнения в предложенную нами ранее характеристику этого времени. Нельзя считать только этот период «временем гибели институтов родо-племенного строя, выразившейся прежде всего в обособлении племенной знати»²⁸, или полагать, что лишь в XVIII—XVII вв. завершился процесс перерастания власти племенных вождей в царскую и началось дальнейшее развитие наследственной монархии²⁹. В некоторых землях начало отмеченных процессов нужно отнести еще к середине III тысячелетия, причем в отдельных очагах раннегосударственные формы жизни складываются еще в XXIV—XXIII вв. Весьма важно то обстоятельство, что дворец в Лерне почти на 200 лет предшествует древнейшим критским дворцам (2100—1900 гг.). Это означает, что на материковых землях одновременно с островными шло становление раннеклассовых отношений. Разница заключалась в том, в скольких отдельных очагах происходила кристаллизация новых экономических и социальных явлений и притом в такой степени, чтобы возникло новое качество: чтобы ход исторического процесса определялся уже не первобытнообщинным строем, но качественно иными отношениями, присущими раннеклассовому устройству.

Синхронность процессов становления не означает повсеместной одновременности их завершающей фазы. На более ограниченной территории социальные пертурбации оказывались более результативными, так как полнее охватывали все население. Видимо, поэтому на Крите происходит резкий скачок еще в XXV—XX вв., тогда как в материковой Греции перелом столь же широкого диапазона приходится на XIX—XVII вв., хотя Лерна и городище и некрополь в долине Нидри являют собою примеры очень раннего вызревания новой социально-политической системы^{29а}. Несомненно, некоторая замедленность развития социальных форм имела место во внутренних областях Эллады, однако возможно, что скудность имеющихся ныне источников излишне усугубляет данное впечатление. Необходимо еще раз вспомнить о том, что памятников первой трети II тысячелетия известно еще очень мало. Так, более или ме-

²⁸ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция, стр. 47, 71.

²⁹ Там же, стр. 71.

^{29а} Раскопки В. Дёрпфельда в начале 1900-х годов на Левкаде, одном из Ионических островов, раскрыли в долине Нидри остатки большого здания, одна из стен которого была прослежена на 50 метров в длину. Поблизости от этого сооружения находился некрополь, который составляли 16 круглых в плане гробниц, тщательно возведенных из плоского плитняка средних размеров. Дёрпфельд на основании инвентаря нескольких неразграбленных захоронений определил этот могильник как царский, в чем с ним согласился и О. Монтелиус (O. Montelius. La Grèce préclassique, II. Stockholm, 1928, p. 182—190). Действительно, 59 золотых бус, которые составляли ожерелье покойницы, захороненной в пифосе под полом самой большой гробницы R I, указывают на значительное для тех времен богатство семьи, хоронившей здесь своих родичей. Время этого могильника — вторая половина III тысячелетия (C. Renfrew. The Emergence..., p. 110). По-видимому, в Нидри находился центр местного царства, возвысившегося одновременно с царством в Лерне.

ные крупные некрополи Среднеэлладского периода (около 2000—около 1600 гг.) обнаружены пока лишь в 6 местах (Афидна, Аргивский Герейон, Коринф, Микены, Элевсип, Сесккло), хотя отдельные захоронения внутри и вне поселений известны во всей Греции³⁰. Между тем материал из массовых могильников проливает яркий свет на многие стороны социальной истории того времени.

Нам представляется весьма полезным привести данные об имущественном состоянии жителей селения, расположенного почти на месте будущего Коринфа. В середине и второй половине XVII в. на небольшом участке здесь было произведено 11 захоронений, мастерски исследованных К. Блегеном³¹.

Погребальный обряд захоронений на Северном некрополе Коринфа ничем не отличается от заупокойного ритуала других среднеэлладских погребений, что было отмечено и самим Блегеном, и позднее Милопасом³². Неглубокие грунтовые могилы расположены без системы, некоторые имели стенки, обложенные рваным камнем. Погребения были засыпаны землей, сверху могилу накрывали грубоотесанной плитой, одной или двумя-тремя. Заупокойные дары во всех погребениях скудные — черта, присущая погребальным обрядам во всех землях Греции в этот период. Однако коринфский некрополь представляет и некоторые исключения — инвентарь могил № 2 и 3.

Содержание загробных даров могилы № 2 следующее: А. Изделия из серебра — браслет и проволочная петля; Б. Изделия из бронзы — перстень, 2 булавки и 3 проволочных витка; В. Украшения — 1 каменная буса и несколько пастовых; Г. Терракотовые катушки и два пряслица; Д. Три простых лепных горшка.

Судя по инвентарю, здесь было захоронение женщины из зажиточной сельской семьи, достаток которой позволял иметь немногие серебряные и бронзовые украшения. Некоторую параллель представляет мужское захоронение в могиле № 5, где обнаружен бронзовый кинжал и 4 глиняных горшка. Для представителей этого слоя сельчан бронзовые украшения и оружие составляли значительную ценность, однако семья имела, по-видимому, достаточно средств, чтобы снабдить своего усопшего родича этими вещами и для загробной жизни.

Оба отмеченных погребения выделяются качеством своего инвентаря среди остальных, однако все они далеко уступают заупокойным дарам из могилы № 3 (интересно, что здесь отсутствовала накрывающая плита). Погребенному в этой яме покойнику были положены: А. Золотые изделия — диадема длиной в 0,157 м, максимальной шириной в 0,022 м, сделанная из очень тонкого листа,

³⁰ См. AJA, 75, 1971, p. 305; «Hesperia», XXIV, 1955, p. 32—36.

³¹ C. W. Blegen, H. Palmer, R. S. Young. The North Cemetery.— «Corinth», v. XIII. Princeton, 1964, p. 1—12.

³² G. Mylonas. The Cult of the Dead in Helladic Times.— «Studies pres. tr D. M. Robinson», I, p. 64—105.

украшена вдавленным точечным орнаментом; Б. Серебряные изделия — фрагмент подвески; В. Бронзовые изделия — 4 проволоочных витка и 1 трубчатая буса; Г. Пастовые изделия — 4 бусы; Д. Керамика — 1 кувшин высотой в 0,314 м, сделан от руки.

Как видно из перечня даров, усопший принадлежал к семье с высоким имущественным потенциалом — золотые изделия в погребениях среднеэлладского времени (исключая ранние царские погребения в Микенах в могильном круге Б) весьма редки³³, причем существенно, что коринфская диадема представляет собой крупное изделие. Но еще более важно то, что коринфская золотая полоса-диадема является предшественницей, как отметил К. Блеген, восьми аналогичных диадем из IV могилы могильного круга Б. в Микенах³⁴. Указывая на то, что техника исполнения орнамента и декоративные элементы коринфской диадемы весьма сходны с более поздними микенскими диадемами, американский археолог справедливо делает вывод, что ювелирное искусство Микен имеет далекие корни, уходящие еще в среднеэлладскую старину.

Сохранение единых художественных и технических традиций в ювелирном деле Арголиты на протяжении не менее чем 40 или 30 лет (если принять, что коринфская могила № 3 относится к самому концу XVII в.) представляется нам чрезвычайно важным фактором³⁵. Он говорит о том, что в среде знати не только выработались устойчивые представления о необходимости золотых украшений, но что тип некоторых атрибутов знатности получил устойчивую традиционную форму уже к середине XVII в. Нет сомнений, что для выработки такой традиции понадобится путь длиной в жизнь многих поколений: представление о равенстве членов общины и племени, имевшее давность в несколько тысячелетий, могло быть сломлено лишь длительным развитием уже набравших силу новых идеологических категорий. Иными словами, отсутствие особенно ярких свидетельств социальных перемен не должно упрощать наши представления о структуре общества Греции в начале II тысячелетия до н. э. — это было уже раннеклассовое общество.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют судить о том, как именно происходила первая социальная революция на греческой земле, в какие формы вылился здесь переход от одного способа производства к другому. Исходя из достаточно ясной социальной пропасти между отдельными группами в этом обществе, исследователь может говорить о глубоком расслоении населения, наступившем как следствие перехода от первобытнообщинного строя к раннеархаическому.

³³ Блеген приводит только три захоронения в Фессалии, в которых найдены золотые вещи: в Сескло — 3 мелких колечка из проволоки, в Драхани — 2 серьги и 2 колечка, в Димини — 2 позолоченных бронзовых витка (см. *Blegen, H. Palmer, R. S. Yong, Op. cit.*, p. 4).

³⁴ Напомним, что IV могила датируется временем около 1570-х—1550-х годов.

³⁵ Добавим, что Микены и Коринф разделены расстоянием не менее 40 км.